

Пролог

Лондон, 1763

Рыхлый туман стелился по сырой земле, выбрасывая призрачные щупальца к свинцово-серому небу, в котором проглядывали слабые лучи рассвета. Поодаль за деревьями прятался паренек, только-только ступающий на порог юности. Он наблюдал, и его выразительные серебристо-серые глаза сужались в гранитные прорези, которым с годами предстояло сделаться еще суровее и холоднее.

Мальчик не знал, что тем промозглым осенним утром в сумраке прятался не он один. На некотором расстоянии слева от него ждал закрытый экипаж, в окошке которого застыло бледное женское лицо, незабываемо красивое, но отчего-то печальное. Восхитительные васильковые глаза женщины, став круглыми от ужаса, неотрывно следили за драмой, разыгрывавшейся между двумя мужчинами на прогалине вперед.

Женщина тяжело вздохнула, когда каждому из участников поднесли шкатулку с великолепными дуэльными пистолетами. Словно угадав ее реакцию, мальчик повторил судорожный вздох, добавив от себя гримасу, искажившую черты, пока лишь намекавшие на суровую привлекательность, обладателем которой он однажды станет.

Покончив с формальностями, дуэлянты стали спиной друг к другу и подняли пистолеты. По сигналу начался отсчет. Для наблюдавшего мальчика каждый шаг усиливался и разрастался до тех пор, пока ему не стало казаться, что ноги мужчин с грохотом опускаются на влажную землю. Но то были удары его собственного сердца, громко отдававшиеся в ушах.

Мальчику, так же как и женщине, было велено оставаться дома. Оба ослушались, решив издали проследить за неравным

боем. У каждого нашлись свои причины прийти, однако и он, и она были движимы любовью.

Внезапно противники остановились, развернулись и прицелились. Два выстрела грянули одновременно, но только один из мужчин согнулся и осел на сырую землю, тогда как другой остался стоять. Вопль отчаянья сорвался с обескровленных губ мальчика, слившись в воздухе с душераздирающим стоном женщины. Случившееся настолько поглотило их, что они не слышали криков друг друга.

Высокий худощавый мужчина, предположительно врач, склонился над распростертым телом. Отрицательно покачав головой, он повернулся к победителю и беспомощно развел руками, показывая, что раненого не спасти. Пренебрежительно пожав плечами, победитель нетерпеливо зашагал к экипажу, он не собирался дожидаться доктора, вынудившего из кармана платок и склонившегося, чтобы накрыть лицо погибшего.

Полные ненависти серые глаза мальчика провожали экипаж, пока тот не скрылся в тумане.

— Однажды ты заплатишь за это! — прокричал мальчик в безмолвные небеса и потряс в подтверждение кулаком. — Настанет день и час, когда я отниму у тебя что-то или кого-то, кто тебе дорог, точно так же, как сегодня ты отнял у меня! Клянусь всем, что свято!

По щекам мальчика текли безотчетные, беззвучные слезы, а внутри нарастала ярость против одного мужчины и его неверной жены. Этой ярости предстояло владеть его плотью и душой долгие годы, пока он мужал и ждал удобного случая нанести карающий удар. Нетвердым шагом он выбрался из своего убежища, подошел к распростертому в грязи телу и опустил перед ним на колени. Внезапно его плечи расправились, и, наверное, в эти несколько коротких мгновений он разом повзрослел.

Женщина в экипаже, побледнев как смерть, безвольно откинулась на подушки. Гибель мужчины возвестила скорый конец ее собственной никчемной жизни. Жить больше не было смысла. Даже любви к трехлетней дочурке, ждавшей ее дома, не под силу было изменить роковой ход событий.

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Лондон, 1763

Леди Алекса Эшли порхала на изящных носочках, пуская широкие белые юбки вихрем вокруг точеных лодыжек. Бал в честь ее помолвки гремел еще прекраснее, чем в мечтах, и васильковые глаза Алексы горели весельем. Ее отец, сэр Джон Эшли, доверенное лицо и советник короля Великобритании Георга III, всего несколько минут назад объявил про обручение дочери и предстоящую свадьбу с Чарльзом Уитлоу, лейтенантом Британского флота, единственным сыном и наследником сэра Брэндона Уитлоу. Отец нахваливал этот брак, пока Алексе самой не стало казаться, будто Чарльз, пускай немного скучноватый и не склонный искать приключений, все-таки и есть тот принц на белом коне, которого она всегда ждала.

В самом деле, Чарльз молод, хорош собой и безумно влюблен в нее. К тому же богат. «Чего еще желать восемнадцатилетней девушке?» — часто спрашивала себя Алекса. Безусловно, брак с Чарльзом раз и навсегда разрешит гнетущие сомнения, которые не дают ей покоя. Чарльз будет замечательным мужем, добрым, участливым, любящим. Разве важно то, что ее сердце не поет от радости, когда он целует ее? Или что ее плоть томится по другому, тому, о чем она может

только догадываться? Со временем, рассуждала Алекса, Чарльз научит ее тело отзываться на него. Очаровательно улыбаясь и зная о зависти всех друзей, Алекса тряхнула густой копной иссиня-черных кудрей, позволив жениху властно обхватить ее осиную талию.

— Вы счастливы, милая? — спросил Чарльз, широко, но немного косо улыбаясь.

Алекса колебалась всего мгновение.

— Конечно, Чарльз, безмерно. А вы?

— До безумия, — уверил ее Чарльз, интимно сжимая талию невесты. — И буду еще счастливее, когда получу право увести вас в спальню и закрыть двери.

— Чарльз! — возмутилась слегка шокированная Алекса.

Такие откровенные речи были не в его манере. Впрочем, Алекса видела, какую щедрую дань ее жених воздавал сегодня крепкому спиртному. Она решила, что в этом и кроется секрет его смелости. Алекса хихикнула, представив, как Чарльз демонстрирует пыл, о котором она до сих пор читала только в книгах, и сосредоточилась на танцевальных шагах.

С другого конца многолюдного бального зала холодные серые глаза Адама Фоксворта неотрывно следили за привлекательной стройной фигуркой в девственно-белых шелках, казалось, таявшей в объятиях молодого жениха, облаченного в военную форму. Фоксворт украдкой разглядывал ее лицо. Оно было прелестное, изящное, тонкое и полное странных контрастов. Яркие васильковые глаза в обрамлении черных ресниц то вспыхивали, то словно тлели на фоне молочно-белой кожи, прозрачной, как алебастр. Губы неожиданно оказались полными и чувственными. Копна черных будто вороново крыло, блестящих, словно стекло, волос была мастерски уложена на макушке гордой головы. Лишь несколько прядей свободно свисали, подчеркивая правильные черты.

Вопреки воле Адама, лицо и фигура леди Алексы Эшли прочно завладели его воображением. При тонкой талии ее полные груди обольстительно поднимались над глубоким квадратным вырезом платья. Когда она отвернулась, глазам Ада-

ма предстала провокационно оголенная спина и покатые плечи. Ее ноги под пышными юбками представлялись ему длинными и точеными. Усилием воли Адам перевел взгляд с невинной красавицы на ее отца, сэра Джона Эшли, человека, который на самом деле заслуживал его ненависти. Легкий укол сожаления по поводу того, что он собирается сделать, искажил красивые черты молодого человека, но он немедля ожесточил сердце, вспомнив о давней клятве. Пятнадцать лет нисколько не умалили его гнева и жажды возмездия. Долгие, одинокие годы только укрепили решимость. Наконец судьба вмешалась, и Адам получил долгожданный шанс отомстить.

— Колеблешься, Адам?

Мужчина неохотно оторвал взгляд от танцующей фигуры в белом и недобро взглянул на своего спутника.

— Никогда! — яростно возразил он. — Разве Джон Эшли колебался? Ты уже достаточно хорошо меня знаешь, Мак, чтобы понимать: если уж я дал клятву, то так просто от нее не отступаюсь. Я был тогда молод, но за все прошедшие годы мое сердце ни разу не дрогнуло.

— Не делай этого, Адам, пожалуйста, — взмолился Мак, вглядываясь в серебристо-серые глаза друга. — В конечном итоге ты навредишь только невинной девочке и себе самому.

Горько улыбнувшись, Адам длинными пальцами пригладил волосы цвета густого темного золота.

— Она отродье дьявола и его приспешница, о какой невинности ты говоришь? — лаконично парировал он.

— Будь благоразумен, Адам. Девочка ничего не знает об этой твоей вендетте.

— Скоро узнает, — холодно ответил Адам, снова находя в толпе леди Алексу и останавливая на ней ледяной взгляд.

— Адам, — взволнованно прошептал Мак, — забудь. Нас ждут дела поважнее. Ты же знаешь, что капитан Джонс...

— Тише, дурак! — зло прошипел Адам. — Хочешь, чтобы всему Лондону стало известно, зачем мы здесь? Я знаю свой долг не хуже других, и ничто не помешает мне его исполнить. А если ты переживаешь за девушку, не стоит.